

Становление и развитие религиозной идентичности МОНГОЛЬСКОГО ЭТНОСА

Мерген С. Уланов, Валерий Н. Бадмаев

Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация,

Бямбахишиг Пурэвсурэн

Институт философии Академии наук Монголии, Монголия

В статье представлен социально-философский анализ религиозной идентичности у монголов с древнейших времен до настоящего времени. Подобное исследование предполагает обращение не только к монгольской форме буддизма, но и к древним религиозным верованиям, в частности, к тенгрианству и шаманизму. Тибетский буддизм сыграл важную роль в формировании монгольской религиозной и этнокультурной идентичностей. Благодаря влиянию Тибета среди монголов распространяется новая буддийская идентичность, оказавшая значительное влияние на их культуру и менталитет.

Выявляются истоки религиозной идентичности монгольских народов, связанные с феноменом тенгрианства (XII–XIV вв.). Исследуется процесс формирования буддийской идентичности среди монголов (XVII–XIX вв.). Анализируется реформаторское движение в монгольском буддизме (начало XX в.). Рассматривается трансформация религиозной идентичности монголов в XX в. и религиозной идентичности монголов на современном этапе (конец XX — начало XXI в.).

В XX в. в Монголии происходили сложные социально-политические и социокультурные процессы, которые привели к трансформации религиозной идентичности. В том числе была фактически запрещена религия, что ограничивало возможность полноценного развития и сохранения буддийской традиции. Тем не менее буддизм все же оставался значимым фактором, определяющим самоидентификацию монгольского народа. В постсоциалистический период буддизм в определенной степени смог восстановить утраченные позиции, заняв важное место в социокультурной жизни монголов.

Современная идентичность монгольских народов неразрывно связана с буддизмом как частью их культурного кода. Несмотря на определенный кризис этнической идентичности, связанный с процессами глобализации и вестернизации, буддизм остается одним из самых важных маркеров этнической самоидентификации монголов.

Ключевые слова: религиозная идентичность; национальная идентичность; монголы; буддизм; тенгрианство; шаманизм; монгольская культура

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-03004 «Идентичность монгольских народов в условиях полицентричного мира», <https://rscf.ru/project/24-48-03004/>

Для цитирования:

Уланов М. С., Бадмаев В. Н., Пурэвсурэн Б. Становление и развитие религиозной идентичности монгольского этноса // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 411-434. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.23>

Уланов Мерген Санджиевич — доктор философских наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и прикладных исследований Южного научного центра РАН. Адрес: Россия, г. Ростов-на-Дону, 344006, пр. Чехова, д. 41. Эл. адрес: ulanov1974@mail.ru

Бадмаев Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и прикладных исследований Южного научного центра РАН. Адрес: Россия, г. Ростов-на-Дону, 344006, пр. Чехова, д. 41. Эл. адрес: badmav07@yandex.ru

Пурэвсурэн Бямбахишиг — доктор наук (PhD), профессор, директор, Институт философии Академии наук Монголии. Адрес: Монголия, г. Улан-Батор, 15141, р-н Чингэлтэй, ул. Баруун Сэлбэ, д. 15. Эл. адрес: puujee@yahoo.com

Formation and Development of the Religious Identity of the Mongolian Ethnos

Mergen S. Ulanov, Valery N. Badmaev

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Byambahishig Purevsuren

Institute of Philosophy, Mongolian Academy of Sciences, Mongolia

The article presents a socio-philosophical analysis of the religious identity of the Mongols from ancient times to the present day. This study involves examination not only of the Mongolian form of Buddhism but also of ancient religious beliefs, particularly Tengrianism and shamanism. Tibetan Buddhism played an important role in the formation of Mongolian religious and ethno-cultural identities. Under the influence of Tibet, a new Buddhist identity spread among the Mongols, exerting a significant impact on their culture and mentality.

The article traces the origins of the religious identity of the Mongolian peoples associated with the phenomenon of Tengrianism (12th–14th centuries). It also explores the process of the formation of Buddhist identity among the Mongols (17th–19th centuries), examines the reformist movement within Mongolian Buddhism (early 20th century), and considers the transformation of Mongolian religious identity throughout the 20th century as well as its state at the contemporary stage (late 20th – early 21st centuries).

In the 20th century, Mongolia underwent complex socio-political and socio-cultural processes that led to a transformation of its religious identity. Religion was in fact prohibited, restricting the development and preservation of the Buddhist tradition. Nevertheless, Buddhism remained a significant factor shaping the self-identification of the Mongolian people. In the post-socialist period, Buddhism managed to partially restore its lost positions, regaining an important place in the socio-cultural life of the Mongols.

The modern identity of the Mongolian peoples remains inextricably linked with Buddhism as a part of their cultural code. Despite a certain crisis of ethnic identity caused by processes of globalization and Westernization, Buddhism continues to be one of the most important markers of ethnic self-identification among the Mongols.

Keywords: *religious identity; national identity; Mongols; Buddhism; Tengrianism; shamanism; Mongolian culture*

Financing

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-48-03004, <https://rscf.ru/project/24-48-03004/>

For citation:

Ulanov M.S., Badmaev V. N. and Purevsuren B. Formation and Development of the Religious Identity of the Mongolian Ethnos. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 411-434 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.23>

ULANOV, Mergen Sandzhievich, Doctor of Philosophy, Candidate of History, Leading Researcher, Department of Scientific Research and Applied Research Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 41 Chekhov Ave., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation. E-mail: ulanov1974@mail.ru

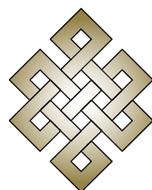
ORCID: 0000-0002-6749-7424

BADMAEV, Valeriy Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher, Department of Scientific Research and Applied Research, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 41 Chekhov Ave., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation. E-mail: badmav07@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1066-8314

PUREVSUREN, Byambakhishig, PhD, Professor, Director, Philosophy Institute, Mongolian Academy of Sciences. Postal address: 15, Baruun Selbe St., Chingeltei district, Ulaanbaatar, 15141, Mongolia. E-mail: puijee@yahoo.com

ORCID: 0000-0003-1325-9743

Введение

Религиозная идентичность представляет собой форму самоосознания человека, которая основывается на принадлежности к определённой религии, осмыслении своей веры и отождествлении себя с неким идеалом или моделью поведения. В отличие от термина «религиозность», подчёркивающего эмоциональную и практическую вовлечённость, понятие религиозной идентичности больше связано с восприятием себя через призму ценностей и норм группы, к которой человек себя относит. Актуальность исследования феномена религиозной идентичности обусловлена тем, что в современном полицентричном мире мировые религии, в том числе и буддизм, продолжают играть важную роль в общественной жизни. Ослабление национальной идентичности, связанное с процессами глобализации, в свою очередь усиливает религиозный фактор. Как справедливо отмечал С. Хантингтон, процесс десекуляризации в конце XX столетия стал одним из ключевых явлений современного общества (Хантингтон, 1994: 35). По крайней мере, десекуляризация характерна сегодня для общественной жизни целого ряда восточных обществ.

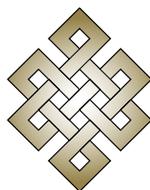
В этой связи особый интерес представляет религиозная идентичность монгольского этноса. Актуальность обращения к религиозной идентичности монгольского этноса обусловлена процессом возрождения в Монголии религиозных традиций, которые начинают играть заметную роль в социально-политической и социокультурной жизни общества. Особую роль в этом процессе играет буддизм, который позиционируется не только как мировая религия, но и как часть национальной этнокультурной традиции монголов. Монгольский буддизм сегодня выступает как значимый социальный фактор, который способствует консолидации монгольского этноса и оказывает прямое влияние на поддержание и упрочение этнической идентичности монголов. В то же время буддизм, будучи мировой религией, способствует взаимодействию и налаживанию взаимосвязей с другими государствами и этносами, имеющими отношение к буддийской культуре. В этом контексте буддизм может выступать и в качестве политического инструмента, своеобразной «мягкой силы» государства.

Исследование религиозной идентичности монголов имеет большое значение для понимания историко-культурного развития таких этносов России, как калмыки, буряты и тувинцы, которые связаны длительными культурными, религиозными и историческими контактами с монголами. Исследование эволюции религиозной идентичности у монголов поможет восстановить общую картину религиозной динамики у монгольских и тюркских народов России, выявить роль буддизма в формировании духовной культуры калмыков, бурят и тувинцев. Изучение общих корней и специфики религиозной идентичности способствует формированию более устойчивого межэтнического и межконфессионального сотрудничества между данными народами.

Целью настоящего исследования является социально-философский анализ религиозной идентичности у монголов с древнейших времен до настоящего времени. Для достижения поставленной цели необходимо: выявить истоки религиозной идентичности монгольских народов, связанные с феноменом тенгрианства (XII–XIV вв.); исследовать процесс формирования буддийской идентичности среди монголов (XVII–XIX вв.); проанализировать реформаторское движение в монгольском буддизме (начало XX в.); рассмотреть трансформацию религиозной идентичности монголов в XX в.; провести анализ религиозной идентичности монголов на современном этапе (конец XX — начало XXI в.). Данные задачи тесно связаны с исторической периодизацией религиозной жизни монгольского этноса и отражают изменчивость феномена религиозной идентичности.

Социально-философский анализ религиозной идентичности представляет собой исследование роли религии в формировании идентичности личности, группы или общества, с точки зрения взаимодействия между индивидом и социальной средой. «В социально-философском дискурсе идентичность рассматривается как процесс формирования и поддержания субъективного ощущения собственной принадлежности к определенной группе, культуре, нации или другой социальной общности. Это ощущение может быть основано на различных факторах, таких как язык, религия, национальность, социальный статус, пол, возраст и т. д.» (Бережная, 2023: 207). Социальная философия рассматривает религиозную идентичность как сложный феномен, сочетающий социальные и психологические аспекты и требующий анализа в социально-историческом, философском и индивидуально-личностном измерениях¹.

¹ Горбачук Г. Н. Социально-философские аспекты формирования личной религиозной идентичности: на материалах творчества С. И. Фуделя: автореф. дис. ... канд. филос. н. Архангельск, 2011. С. 6.

В рамках социально-философского подхода к проблеме личной религиозной идентичности задействуются базовые концепты, теоретические посылы и эмпирические выводы, разработанные как отечественными, так и зарубежными учеными.

Обзор литературы

В зарубежной литературе есть ряд социально-философских работ, затрагивающих проблему религиозной идентичности, которая исследуется как сложный многоаспектный процесс, играющий важную роль в формировании мировоззрения. Так, Б. Андерсон в монографии «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» указывает, что религиозную идентичность можно понимать как некий воображаемый конструкт (Андерсон, 2016). Изменчивый, текучий и множественный характер религиозной идентичности отмечается в книге К. Данн «Идентичность и глобальная политика: эмпирические и теоретические разработки» (Dunn, 2004). К. Армстронг в работе «Битва за Бога: История фундаментализма» рассматривает феномен религиозной идентичности в контексте религиозного фундаментализма, отмечая, что новейшие религиозные идентичности представляют собой способ приспособления к глобальным вызовам современного мира (Армстронг, 2013). Ф. Фукуяма в книге «Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия» относит религиозную идентичность к коллективным и нелиберальным формам идентичности (Фукуяма, 2019: 137). Э. Кедури в работе «Национализм» утверждает, что исторически религиозная идентичность была одним из ключевых инструментов строительства национальных государств (Кедури, 2010: 75).

Из работ российских авторов можно выделить исследования Т. С. Прониной (Пронина, 2017), Л. С. Перепелкина и В. Г. Стэльмаха (Перепелкин, Стэльмах, 2010), А. В. Шипилова (Шипилов, 2008), М. М. Мчедловой (Мчедлова, 2009) и др., в которых анализируется сущность и специфика религиозной идентичности.

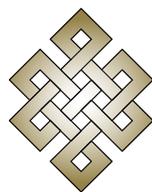
Особо следует выделить монографию А. Н. Крылова «Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве» (Крылов, 2012). В данной работе с позиции социальной философии анализируется сущность религиозной идентичности, а также идентификационные составляющие религии. Религия здесь рассматривается как важный фактор человеческой самоидентификации.

Из работ, связанных с проблемой буддийской идентичности у монгольских народов, необходимо отметить обзорную коллективную статью историографического плана «Монгольская религиозность, этничность и политическое влияние на нее в российских и зарубежных исследованиях» (Романова и др., 2015), в которой отмечается, что тема этнической идентичности монгольских народов «является разработанным в исторической и современной литературе предметом, к которому применяются разнообразные подходы от современных интерпретативных до классических этнографических и социологических» (там же: 125).

Особо отметим статью Б. У. Китинова «Буддизм и национализм в идентификационных процессах в Азии в конце XIX — начале XX веков» (Китинов, 2022). В статье анализируется влияние буддизма на идентификационные процессы в странах Азии в условиях социально-политических трансформаций конца XIX — начала XX в. Автор приходит к выводу о том, что «высокий запас цивилизационной прочности позволил буддистам различных направлений и стран утверждать свои базовые принципы как необходимые для сохранения своей культуры и самобытности, как маркеры идентичности» (там же: 335).

Статья О. И. Зимина «Глобализация и проблема национальной идентичности в Монголии» (Зимин, 2012) посвящена вопросу о влиянии глобализационных процессов в современной Монголии на духовную культуру монголов. По мнению автора, одним из аспектов глобализации в стране стало распространение нетрадиционных, преимущественно протестантских конфессий, что несет угрозу национальной идентичности и может способствовать культурным конфликтам в стране, как на макро-, так и на микроуровнях. В своей кандидатской диссертации О. И. Зимин¹ использует как социально-философский, так и психологический подход для понимания идентичности монголов, обосновывает

¹ Зимин О. И. Влияние религиозного мифотворчества на монгольскую этническую идентичность: автореф. дис. ... канд. филос. н. Чита, 2015.

идею «о том, что монгольская идентичность не привязана к одному этносу или территории, а является составной частью социальной идентичности личности. Это особая психологическая категория, находящаяся в процессе социального формирования и относящаяся к осознанию своей принадлежности к некой этнической общности, представления о которой составлены религиозными мифами личностного, родового, племенного, этнического и государственного уровней, связанными с монгольскими традициями истории и культуры, и конструирующими монгольскую этносферу везде, где находятся люди, идентифицирующие себя как монголы»¹.

В статье С. В. Никифорова «Идентичности Монголии. Этносы, религии, социальные группы» (Никифоров, 2018) в социологическом ракурсе рассматривается этническая, социально-стратификационная и религиозная идентичности современных жителей Монголии. Автор полагает, что специфика проявления монгольских идентичностей заключается в отсутствии серьезной социальной напряженности, несмотря на то, что в стране происходит строительство моноэтнического и отчасти монорелигиозного государства (там же: 130).

Работа Ц. Цэцэнбилэг, Т. Б. Бадмацыренова и В. А. Родионова «Буддизм и воспроизводство буддийской идентичности в Монголии» (Цэцэнбилэг, Бадмацыренов, Родионов, 2015) посвящена социально-философскому исследованию специфики религиозной (буддийской) идентичности в современной Монголии. Авторы отмечают тесную связь буддизма с процессом формирования политической идентичности монголов.

Особый интерес представляет монография Ц. П. Ванчиковой «Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри» (Ванчикова, 2019а), которая посвящена комплексному историко-религиоведческому исследованию буддизма в Монголии. Автор рассматривает эволюцию буддийской традиции от её первых контактов с монгольским миром в XIV в. до современного этапа возрождения после советского атеистического периода. Также рассматривается влияние буддизма на процесс формирования национальной идентичности монголов, что делает данную работу особенно важной для изучения этнокультурных процессов в Монголии. Автор показывает, как буддизм стал не просто религией, а ключевым элементом культурной памяти, самосознания и этнической идентичности монгольского народа.

В целом, большинство отечественных авторов подчеркивают тесную связь религиозной идентичности монголов с буддийской традицией, отмечают роль буддизма в формировании общемонгольской идентичности, указывая при этом влияние процесса глобализации на конфессиональную ситуацию в стране.

Из зарубежных исследований, посвященных проблеме идентичности монголов, следует отметить работы немецко-швейцарского востоковеда К. Коллмар-Пауленца, в которых отмечается важная роль буддизма в формировании новой этнокультурной идентичности в современной Монголии (Kollmar-Paulenz, 2003; Коллмар-Пауленц, 2004, 2011). При этом она утверждает, что феномен монгольской религиозной идентичности может быть понят только при учете «двух важнейших факторов, а именно собственно монгольской и буддийской систем верований в соответствующих им контекстах» (Коллмар-Пауленц, 2004: 456).

В статье «Религия и групповая идентичность в современной Монголии» немецкий монголовед К. Сагастер в религиоведческом ракурсе анализирует взаимосвязь между религией и групповой идентичностью в современной Монголии (Sagaster, 2021). Автор акцентирует внимание на том, как религиозные традиции, особенно буддизм, способствуют формированию этнической и культурной идентичности монголов в условиях модернизации и влияния внешних культурных и идеологических факторов. К. Сагастер рассматривает буддизм не только как религию, но и как важный элемент национальной и культурной идентичности, особенно в период после падения социалистического режима, когда в Монголии началось возрождение духовных традиций. Работа представляет интерес для исследования культурной идентичности монголов в условиях глобализации, показывая, что религия может служить как инструментом сохранения национальной идентичности, так и основой для социальных конфликтов и изменений.

Статья М.-Д. Эвен посвящена анализу религиозного ландшафта Монголии в постсоциалистический период, с учетом изменений, которые произошли после падения коммунистического режима и

¹ Там же. С. 6.

возрождения религиозных традиций (Even, 2012). Автор проводит историко-религиоведческий анализ динамики религиозного развития в современной Монголии, показывая, как страна, пережившая радикальные социальные преобразования, адаптируется к новым формам религиозности. Он подчеркивает, что религиозное возрождение сталкивается с рядом таких проблем, как слабость традиционных религиозных институтов, коммерциализация религиозных услуг, недостаток религиозного образования, а также прозелитизм протестантских конфессий, что отрицательно сказывается на формировании общемонгольской идентичности.

Также можно выделить неоднозначную и противоречивую статью американского религиоведа Й. Эльверскога «Два буддизма в современной Монголии» (Эльверског, 2021), в которой он утверждает, что «у монголов не было непрерывной преемственности буддизма как живой традиции» (там же: 118). По его мнению, «многие монголы не готовы приравнять свою этническую идентичность к буддизму. Более того, они часто придерживаются прямо противоположной точки зрения» (там же: 119).

В целом, в современном монголоведении накоплено значительное количество исследовательского материала, посвященного религиозной идентичности монголов на современном этапе исторического развития. Вместе с тем, существует потребность в создании целостной социально-философской картины развития религиозной идентичности монголов, что и определяет направление данного исследования. Социально-философский подход позволит нам рассмотреть религиозную идентичность монголов как сложный и динамичный социокультурный феномен.

Истоки религиозной идентичности монгольских народов: феномен тенгрианства

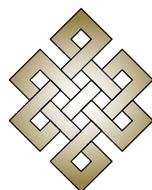
Исследование религиозной идентичности монгольских народов на протяжении их многовековой истории предполагает обращение не только к монгольской форме буддизма, но и к древним религиозным верованиям, в частности, к тенгрианству. Формирование религиозной идентичности монгольских народов необходимо рассматривать в контексте истории тенгрианской культурной традиции, которая была распространена у всех тюрко-монгольских этносов Центральной Азии и Юга Сибири.

Зарождение и становление тенгрианской религии и идентичности было тесно связано с процессом формирования ранних протогосударств и государств центрально-азиатских номадов, начиная от хунну и заканчивая средневековыми монголами. В этот обширный период формирующаяся государственность номадов Центральной Азии вынуждена была опираться на новую религиозность, которая по своей сути была направлена на складывание надплеменной идентичности (Жумаганбетов, 2006ab; Кодар, 2009; Уланов, 2022).

Интересно, что сегодня многие ученые, мыслители и общественные деятели Монголии проводят идентификацию монголов с хунну как протомонгольским этносом. Многие простые монголы также считают себя потомками хунну. Подобное «удревнение истоков этногенеза монголов до периода хунну можно рассматривать как проявление характерного для этнонаций стремления к архаизации» (Шмыт, 2011: 114–115). При этом следует отметить, что в научной литературе также отмечается значительная роль хунну и древних тюркских этносов в формировании монгольских народов (Абаев, 2011; Абаев, Фельдман, 2012).

Особенностью тенгрианства была его тесная связь с государственными институтами, прежде всего, с имперской (каганской) властью и идеологией (Жумаганбетов, 2006b). В силу этого после падения древнетюркских каганатов тенгрианство пришло в упадок, а масштабные церемонии Великому Тенгри были прекращены, что привело к усилению роли культа родоплеменных богов (Бичеев, Кукеев, 2011: 75).

В период Монгольской империи значение тенгрианства как имперской (каганской) религии вновь возрастает. Однако после распада монгольской империи тенгрианство, ранее выступавшее в качестве политизированной религиозной системы, постепенно приходит в упадок (Уланов, 2022: 106–107). Его влияние ослабевает, и оно уступает место другим духовным традициям. На первый план выходят: шаманизм, который восстанавливает свои позиции, а затем буддизм махаяны и ислам, которые начинают играть более значительную роль в регионе. Буддизм и ислам, как более институционально организованные религии с более развитой системой вероучения, имели определенное преимущество перед тенгрианством. В тех же регионах Центральной Азии и Сибири, где мировые религии не получили широкого распространения, тенгрианство было ассимилировано

шаманизмом. Этот переход отражает изменения в социокультурной жизни кочевых обществ, где тенгрианство стало терять свою былую политическую и идеологическую значимость (там же: 109).

Одной из наиболее сложных проблем, связанных с изучением тенгрианства, является вопрос о его соотношении с шаманизмом (Мамедов, 2018; Урбанаева, 2000). Представляется, что шаманизм, являясь более ранней религиозной традицией, был важной и системообразующей частью тенгрианской религии. Фактически тенгрианство представляло собой специфическую развитую форму шаманизма, возникновение которой было связано с социально-политическим развитием номадов Центральной Азии.

После распада монгольской империи шаманизм, имевший в отличие от тенгрианства тесную связь с родоплеменными отношениями, начал усиливать свои позиции. В то же время слабостью шаманизма было отсутствие в нем этноинтегрирующего начала. Будучи изначально связанным крепкими узами с родовыми структурами, шаманизм не мог выполнять задачу объединения государства, которая встала перед монголами в последующий период. Не имея тесной связи с монгольской властью, в отсутствие четкой институционализации и иерархичности, шаманизму было сложно противостоять значительно более организованной буддийской религии.

Кризис тенгрианства как имперской религии, возрождение классического шаманизма и постепенное распространение буддизма, связанное с формированием тибето-монгольской локальной цивилизации, способствовало изменению идентичности монголоязычных народов. Процессы распространения тибетского буддизма и цивилизационной локализации одновременно дополнялись здесь процессом формирования народностей, что привело к дальнейшему упадку тенгрианской идентичности. Идентичность монголоязычных этносов, их культурное ядро, претерпели существенные изменения благодаря широкому распространению буддизма.

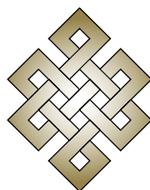
Процесс формирования буддийской идентичности среди монголов

Распространение и формирование буддийской культуры и идентичности среди монгольских народов Центральной Азии представляет собой сложный и поэтапный процесс.

По мнению А. Берзина, буддизм начал распространяться в Монголии еще в конце VI в., в период Тюркского и последующего Уйгурского каганатов, когда из Центральной Азии в регион пришла первая волна махаянских буддийских учений. Второй и более значимый этап распространения буддизма в Монголии относится к XIII в. и связан с проникновением буддийской традиции из Тибета в эпоху правления императора Хубилая. Центральной фигурой этого периода стал известный представитель школы Сакья — Пхагпа-лама, который не только способствовал укреплению буддийского влияния, но и создал новую форму монгольской письменности для перевода религиозных текстов. В конце XVI в. Монголию охватила третья волна буддийского влияния, связанная с деятельностью Далай-ламы III. В этот период традиция Гелуг утвердилась как ведущая форма тибетского буддизма среди монгольских народов (Берзин, 1992: 23).

В 1640 г. на территории Джунгарии состоялся съезд монгольских и ойратских князей, в котором принимали активное участие представители буддийского духовенства. Съезд, призванный сплотить восточных и западных монголов перед маньчжурской угрозой, принял единый свод законов «Ики Цааджин бичиг» («Великое уложение»), получивший статус главного правового документа (Санчилов, 2009, 2011). В нем фактически был определен статус буддизма как официальной религии монголов и ойратов, а также выработаны меры для борьбы с шаманизмом.

Религиозная идентичность монголов в XVII–XIX вв. была тесно связана с буддизмом, но также сохраняла элементы традиционных верований, связанных с шаманизмом. Буддийская религиозность в Монголии опиралась на развитую иерархическую структуру буддийской церкви, которая была институционально сформирована на основе тибето-буддийской модели общества, частично адаптированной к местным социокультурным и политическим условиям. Эта система впитала в себя традиции тибетской школы Гелугпа. Важным элементом данной структуры был институт хутухт или хубилганов — реинкарнаций авторитетных лам, который играл ключевую роль в организации буддийского сообщества. Каждый крупный буддийский монастырь Монголии как и Тибете имел своего собственного хутухту, который обладал как духовными, так и светскими полномочиями. Среди хубилганов-хутухт Монголии наивысшим почетом пользовался ургинский

Джебцун-Дамба-Хутухта или Богдо-гэгэн, который и возглавлял буддийскую церковь (Ванчикова, 2019а: 167–170). Институт Богдо-гэгэнов играл важную интегрирующую функцию для монгольского общества. Как отмечал дореволюционный автор П. А. Ровинский, «единственное всесильное лицо в Монголии — хутухта, который может соединить князей и за которым пойдет весь народ. Поэтому китайское правительство обращает особенное внимание на него...»¹.

Религиозная идентичность монгольского общества в этот период можно оценить на основе комплексного анализа письменных, археологических и этнографических источников. Известно, что ключевыми критериями религиозной идентичности являются: 1) наличие специфической религиозной символики; 2) существование ритуалов и обрядов; 3) использование религиозной терминологии; 4) передача норм и ценностей между поколениями.

Данные критерии применимы и для понимания религиозной идентичности монголов в XVII–XIX вв.:

1. Наличие и распространённость религиозной символики. В данный период на территории Монголии активно развивалась буддийская культура. К XIX в. в стране насчитывалось более 700 монастырей, среди которых были такие крупные монастыри как Эрдэни-дзу, Их-Хурэ и Гандан. В музеях Монголии и России сохраняется значительное количество статуи Будды и буддийских божеств, икон-тханок, амулетов и других элементов буддийской культуры (Бардалеева, 2021; Сыртыпова, 2023; Цултэм, 1982). Все это указывает на коллективную принадлежность монголов к буддийской религиозной традиции. Однако буддийская идентичность не смогла полностью вытеснить шаманскую религиозность. Сохранившиеся с того периода шаманские атрибуты указывают на сохранение добуддийских верований и шаманской идентичности у монголов;

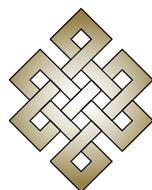
2. Фиксация религиозных ритуалов и обрядов. Буддийская обрядность глубоко вошла в сферу повседневной жизни монголов, о чем указывают труды русских путешественников конца XIX в. Среди основных буддийских церемоний и обрядов можно отметить большие и малые хуралы, индивидуальные обряды, соблюдение поста, чтение мантр, участие в религиозных праздниках и т. д. (Позднеев, 1993: 275–474). Одновременно сохранялись жертвоприношения духам местности, гор, рек и т. д., связанные с шаманской практикой. Таким образом, ритуальная жизнь монголов отражала двойственность их религиозной идентичности при преобладании буддийской составляющей;

3. Использование религиозной терминологии. В письменных источниках того времени монголы часто используют различные буддийские термины: *лама*, *гэгэг*, *хутухту*, *хубилган*, *дацан* и т. д. Эти понятия стали частью официальной и повседневной лексики. Процесс проникновения буддийской терминологии тесно связан с распространением буддизма (Харанутова, Будажапова, 2023). Заимствования поступали как устно, так и письменно, причём наибольший поток терминов отмечается в период активного развития религии. Не вызывает сомнения, что увеличение числа буддийских терминов напрямую зависело от становления старописьменного монгольского языка, который применялся для перевода буддийских текстов. Вместе с тем, в обиходе оставались и традиционные шаманские термины (*тенгри*, *бо*, *обо* и т. д.). Такое сочетание лексики подтверждает синкретическую природу религиозной идентичности монголов того периода;

4. Передача религиозных норм и ценностей между поколениями. Образование в монастырях стало важным инструментом передачи буддийской традиции. Молодые монголы обучались не только буддийской философии и обрядам, но и медицине, астрономии, искусству (Нямсүрэн, 2024). Все это способствовало формированию коллективной памяти и легитимации буддизма. Одновременно продолжали существовать добуддийские родовые обычаи, связанные с тенгрианскими и шаманскими представлениями. Эти традиции передавались из поколения в поколение, формируя устойчивый культурный пласт.

В современном востоковедении существуют два противоположных мнения относительно религиозной идентичности монголов в дореволюционный период. Согласно первой точке зрения, религиозная идентичность монголов к началу XX в. окончательно сформировалась как идентичность буддийская, а буддизм способствовал развитию монгольской культуры и приобщил монголов к достижениям индобуддийской цивилизации (Берзин, 1992; Ванчикова, 2019а). Другое мнение состоит в том, что распространение буддизма среди монголов носило формальный характер, а в народной

¹ Ровинский П. А. Мои странствования по Монголии (1871 г.) // Вестник Европы. 1874. № 7. С. 231.

среде всегда преобладали добуддийские шаманские верования и культы. В этом случае монголы предстают в романтическом стиле, как народ, сохранивший первозданную культуру и религию (Эльверског, 2021; Heissig, 1964).

С нашей точки зрения, более весомой выглядит первая точка зрения, поскольку она опирается как на собственно монгольские источники («Шара-туджи», «Эрдэнийн Эрихэ», «Биография Нейджи-тойна» и др.)¹, так и на свидетельства ученых, побывавших в Монголии², хотя существование у монголов пережитков тенгрианства и других добуддийских верований отрицать сложно.

Тибетский буддизм сыграл крайне важную роль в формировании монгольской и ойратской религиозной и этнокультурной идентичностей. Благодаря влиянию Тибета среди монголов и ойратов распространяется новая буддийская идентичность, оказавшая значительное влияние на культуру и менталитет монгольских народов. Исследователи отмечают, что буддизм в его тибетском варианте способствовал укреплению цивилизационной идентичности монголов, «объединяя монголов не только на уровне этнокультурной близости, но и новой религиозной идентичности» (Железняков, Никифоров, 2025: 190–191). В целом, буддийская религиозная идентичность у монголов начала формироваться на рубеже XVI–XVII вв., а окончательно сложилась и укрепилась в XVIII–XIX вв. Это был длительный процесс, связанный со сложными социокультурными изменениями в регионе.

В то же время, по мнению К. Коллмар-Пауленц, для монголов была характерна не только буддийская, но и добуддийская, тенгрианско-шаманская картина мира, которые при этом не исключали друг друга. Она полагает, что феномен религиозной идентичности монголов «может быть проанализирован только с учетом двух важнейших факторов, а именно собственно монгольской и буддийской систем верований в соответствующих им контекстах» (Коллмар-Пауленц, 2004: 456). К. Коллмар-Пауленц отмечает, что после распространения буддизма, у монголов утвердилась система религиозного «синкретизма», которую необходимо учитывать при исследовании процесса формирования религиозной идентичности у монголов (там же).

Схожая ситуация наблюдалась и в Алтае-Саянском регионе, где, как отмечает О. М. Хомушку, распространение буддийской традиции способствовало формированию религиозного синкретизма, возникшего в результате взаимодействия буддизма с традиционными верованиями местных народов, включая тувинцев. По мере проникновения в данный регион тибетского буддизма он активно впитывал в себя элементы автохтонных верований и культов, сохраняя при этом этнокультурные особенности различных локальных и региональных вариантов его практики. В результате здесь сформировался уникальный синкретический комплекс, который отличался сравнительно мирным сосуществованием буддийских и добуддийских культов (Хомушку, 2005: 181).

С позицией К. Коллмар-Пауленц можно согласиться только отчасти, поскольку, несмотря на определенный синкретизм, буддизм, будучи мировой религией с развитой системой мировоззрения, играл в этом союзе доминирующую роль, и во многом ассимилировал добуддийские верования и культы. Именно этим монгольская версия религиозного синкретизма отличалась от алтае-саянской.

В Монголии буддизм и шаманизм на институциональном уровне развивались параллельно, в то время как в Туве, синкретизм был более глубоким. В Туве религиозный синкретизм проявлялся, в частности, в браках между представителями буддийского духовенства и шаманками, что являлось достаточно распространённым явлением (Дьяконова, 1979: 171). Существовал также обычай приглашать шаманов в буддийские храмы для совершения обрядов жертвоприношения духам и божествам в соответствии с традициями шаманизма. Многие тувинские ламы не видели противоречия в обращении к шаманам за помощью в случаях болезней или других бедствий, рассматривая это как естественную форму взаимодействия с духовной реальностью. Имели место и обратные ситуации, когда шаманы обращались к ламам-целителям для получения лечения с использованием тибетских медицинских практик (Монгуш, 2007: 131; Дьяконова, 1979: 171). Ещё одним свидетельством синкретического характера религиозных представлений в Туве был институт «бурхан-хам» (дословно —

¹ Шара-туджи. Монгольская летопись XVII века. М.: АН СССР, 1957; Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ». Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883; Пурбуева Ц. П. «Биография Нейджи-тойна» — источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984.

² Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993; Ровинский П. А. Мои странствования по Монголии // Вестник Европы. 1874. № 7. С. 212–304.

«будда-шаман»). Данный термин обозначал священнослужителей, получивших образование в буддийских монастырях, но совмещавших в своей деятельности функции, как ламы, так и шамана. В зависимости от конкретных обстоятельств такие лица могли осуществлять либо буддийские ритуалы, либо шаманские обряды. Синкретизм находил своё отражение также и в их облачении, в котором сочетались элементы одежды как буддийского, так и шаманского происхождения. «В зависимости от ситуации эти полуламы-полушаманы могли исполнять либо шаманские, либо буддийские обряды, а иногда и совмещать их» (Монгуш, 2014: 5).

Буддийская культурная традиция, получившая распространение среди монголов, содействовала упрочению общемонгольской идентичности, поскольку формировала определенный базис для объединения Монголии и прекращения феодальной раздробленности. Неслучайно, что наиболее значимые исторические сочинения монголов («Эрдэйн Тобчи», «Алтан тобчи», «Шара туджи» и др.) появились после распространения у них буддизма¹.

Таким образом, Тибет, Монголию и Джунгарию стала объединять общая буддийская идентичность, которая повлияла на политические процессы в данных регионах.

В то же время после вхождения Монголии в состав Цинской империи (конец XVII в.) и падения Джунгарского ханства (середина XVIII в.) начала формироваться новая монгольская идентичность, которая была основана на принадлежности монголов к цинской империи. Известно, что маньчжурские императоры пытались использовать буддийский фактор, наравне с другими, для укрепления своей власти над монголами во времена династии Цин. В силу этого распространена точка зрения, согласно которой, именно буддийская церковь, находившаяся под покровительством маньчжуров, способствовала колонизации Монголии. Этой точки зрения придерживались в свое время, как представители монгольского национализма, так и марксизма (Эльверског, 2021: 120–122). Однако, в действительности именно буддизм способствовал формированию и сохранению общемонгольской идентичности. Фактически, буддийские священнослужители являлись единственным сословием, которое имело возможность свободно передвигаться между многочисленными хошунами, содействуя тем самым складыванию и укреплению общемонгольской идентичности. Неслучайно, именно буддийское духовенство во главе с Богдо-гегеном выступило в роли инициаторов национально-освободительного движения в начале XX в. (Батсайхан, 2018; Кузьмин, Оюунчимэг, 2009). Поэтому можно прямо утверждать, что монгольский буддизм стал важнейшим фактором для складывания национальной идентичности монголов.

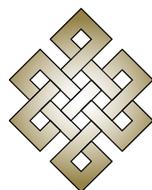
Таким образом, религиозная идентичность монголов сформировалась как результат глубокого взаимодействия между тибетским буддизмом и добуддийскими традициями. Буддизм стал основой этнокультурной идентичности, способствуя формированию общемонгольской культурной целостности, на основе общей религии. Вместе с тем, местные верования, особенно шаманизм, продолжали оказывать влияние на обрядность, символику и повседневную религиозную практику, что породило религиозный синкретизм. Однако этот синкретизм не ослабил буддизм, а, напротив, способствовал его адаптации и укоренению в местной культуре, сделав его неотъемлемой частью монгольской идентичности.

Реформаторское движение в буддизме как поиск новой идентичности

В начале XX в. в Монголии начинается процесс национального возрождения, который был связан с ростом национального самосознания монголов. Колонизационная политика китайской империи, направленная на захват монгольских земель, массовое переселение китайцев, произвол со стороны местной цинской администрации, жесткая торгово-ростовщическая деятельность китайского купечества, неизбежно порождали сопротивление со стороны местного населения и способствовало усилению антиимперских настроений среди монголов (Курас, 2015: 144–145).

В этот период буддизм и буддийская церковь становятся значимыми маркерами и составляющими общемонгольской идентичности. Данный процесс совпал по времени с реформаторским движением внутри монгольского буддизма, которое можно определить как поиск новых форм религиозной идентичности.

¹ Дугаров В. Д. Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности — начало XXI в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. С. 26.

Связь обновленческого движения с ростом национального самосознания и буддийской идентичностью можно проследить в высказываниях монгольского ученого того времени Дэмчигдоржа: «Ах, если наша буддийская страна не поймет этого и будет сохранять прежний порядок, она окажется недостойной своего времени и не возродится прекрасной. Если она не поймет, как и что следует исправлять или переделать заново, то я предчувствую разрушение и гибель» (цит. по: Попова, 1987: 72). То, что Дэмчигдорж называет Монголию буддийской страной, говорит о том, что монголы в этот период четко осознавали свою буддийскую идентичность.

Реформаторское или обновленческое движение в монгольском буддизме было связано со стремлением наиболее прогрессивной части монгольского духовенства к модернизации религии, ее организационных форм, поднятием уровня монашеской дисциплины и образованности. В условиях изменяющегося мира и проникновением капиталистических отношений ряд буддийских деятелей пытались обновить религию, сделав ее более подходящей к новым социально-экономическим и политическим реалиям. Здесь можно обнаружить стремление к возвращению первоначальной чистоты буддийской религии, желание очистить ее от различных шаманских элементов. Как отмечает А. Н. Крылов, религиозное реформаторство часто связано кризисом традиционной конфессиональной идентичности, «её поиском, желанием найти или восстановить её в той структуре, в которой она была раньше» (Крылов, 2012: 126–127).

Таким образом, реформаторское движение в монгольском буддизме представляло собой попытку найти новую форму религиозной идентичности, связанную с отказом от этнической изолированности и склонностью к универсализму раннего классического индийского буддизма.

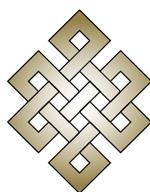
Трансформация религиозной идентичности монголов в XX веке

В составе Цинской империи Монголия обладала многоуровневой территориально-административной организацией, в рамках которой сосуществовали и взаимодействовали как традиционные феодально-родовые институты, так и элементы централизованного бюрократического управления. Этническое и культурное разнообразие монгольского населения Цинской империи усиливалось за счёт его дифференциации по военно-сословному принципу.

К началу XX в. этнокультурная идентичность во Внутренней и Внешней Монголии стала различаться. Следует отметить, что термины «Внешняя Монголия» и «Внутренняя Монголия» берут своё начало в период маньчжурского продвижения на юг (Vorjigin, 2004). После того как в 1636 г. маньчжуры завершили покорение южных районов Монголии, они стали именовать эти земли Внутренней Монголией, выделяя их из северной части — Халхи, которая оставалась неподконтрольной и именовалась соответственно — Внешней Монголией. После вхождения Халха-Монголии в состав империи Цин, данные понятия продолжали сохраняться. Территория Внутренней Монголии находилась под более сильным контролем Цинской империи. Земли Внешней Монголии, расположенные дальше от Китая, были в меньшей степени подконтрольными имперским властям.

Во Внутренней Монголии в силу исторических и географических факторов, как аристократия, так и простой народ в значительной степени утратили связь с общемонгольской идентичностью. Одновременно достаточно сильными оставались хошунная и имперская самоидентификации. В рамках сословно-административной структуры Цинской империи монгольское население данного региона было интегрировано в состав привилегированного военно-служилого сословия (восьми знамён). К данному сословию были приписаны все монголы-чахары, которые с XVIII в. отличались лояльностью маньчжурской династии и рассматривались как надёжный опорный элемент в системе имперского управления. Фактически здесь сложилась двойственная идентичность: с одной стороны, южные монголы идентифицировали себя как представителей империи Цин, с другой — в качестве представителей определенного хошуна (военно-административной единицы, связанной с системой знамен). Поэтому, даже буддийская религия во Внутренней Монголии выступала не в качестве составляющей общемонгольской идентичности, а как элемент, тесно связанный с хошунной системой (Elverskog, 2006: 152, 163).

Во Внешней Монголии ситуация была совершенно иной, поскольку фактор духовной власти Богдогегена способствовал консолидации монгольского общества и задавал центростремительный вектор развития идентичности, в силу чего значимость хошунной идентичности была значительно меньше (Китинов, 2022: 363). Во Внешней Монголии в начале XX в. буддизм начинает осознавать-

ся как основа национального духа и важнейший маркер монгольской идентичности. Одновременно, буддийская церковь Монголии во главе с Богдо-гегеном Джебцзун-Дамба-хутухтой стала пониматься как основа общемонгольского единства и независимости.

Во Внешней Монголии в условиях глубоко религиозного социума и складывания монгольской теократии буддизм стал крайне важным идентификационным и цивилизационным фактором, который оказал значительное влияние на развитие социально-политической жизни общества. При этом буддийский фактор был «не единственным и не «подменяющим» для монголов этнокультурную и, следовательно, и цивилизационную идентичности» (Железняков, Никифоров, 2025: 191).

После провозглашения в 1911 г. суверенности Внешней Монголии от Китая и создания государства под властью Богдо-гегена буддийский фактор стал еще больше влиять на процесс формирования общемонгольской идентичности (Кузьмин, 2016). В этот период буддизм не только укрепил свою роль в качестве интегрирующего механизма общества, но и стал ключевым идентификационным символом монгольской этничности (Скрынникова, 2011: 47). На этом фоне произошла активизация идеи общенационального единства монгольского народа. Буддизм с его глубокими историческими корнями и культурным влиянием стал важным фактором, объединяющим монголов вокруг общих духовных и национальных ценностей.

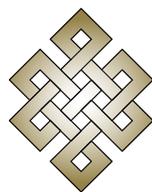
После народной революции 1921 г. в Монголии произошли существенные изменения в религиозной политике. Новое социалистическое правительство, действуя в соответствии с рекомендациями Коммунистического интернационала и указаниями И. В. Сталина, на начальном этапе стремилось ограничить деятельность буддийской сангхи путём реализации законодательных и экономических мер. К концу 1930-х гг. государственная политика в отношении религиозных институтов стала более жесткой и выразилась в физическом устранении видных представителей духовенства, а также в закрытии и разрушении большинства храмов и монастырей (Кузьмин, Оюунчимэг, 2010–2011). Фактически, против буддийской церкви и духовенства в Монголии проводились репрессии по примеру политики СССР. Как отмечает Ц. П. Ванчикова, борьба с буддизмом в МНР в 1920–1930-х гг. носила многоэтапный характер, сопровождалась постепенным усилением репрессивных мер и была направлена на подрыв экономической независимости и финансового благосостояния монастырей. Для достижения этой цели применялось множество методов, среди которых основными являлись введение чрезмерно высоких налогов на имущество лам и монастырей, создание внутри буддийского духовенства социальных противоречий путём ликвидации института перерожденцев, ограничение притока новых послушников в монастыри, стимулирование перехода монахов к светской жизни, а также конфискация имущества высших иерархов сангхи (Ванчикова, 2019b).

Политика репрессий в отношении буддийской церкви в Монгольской Народной Республике в первой половине XX в. завершилась практически полным уничтожением института сангхи как самостоятельной религиозной и общественной силы. К началу 1940-х гг. буддийская церковь в Монголии фактически перестала существовать в прежнем виде. Государственная политика обеспечила её полную зависимость от светской власти и свела её роль к формальному, обрядовому уровню.

При этом буддизм оставался важным фактором, определяющим самоидентификации монгольского народа. Вслед за СССР в МНР с середины 1940-х гг. также произошло некоторое послабление в отношении буддизма. В Улан-Баторе был открыт монастырь Гандантекчинлинг, при котором через несколько десятилетий начал деятельность Буддийский университет (Балданжапова, 2017; Ванчикова, 2021).

В последующий исторический период буддизм официально признавался монгольскими властями в качестве социального феномена и института, который имел собственные формы существования в форме разного рода церемоний и обрядов. При этом религиозная жизнь монгольского общества по примеру СССР была строго ограничена и регламентирована, в результате чего невозможно было осуществлять широкое распространение буддийских идей и ценностей среди населения.

Как справедливо отмечает Р. Т. Сабиров, буддизм в социалистической Монголии второй половины XX в. стал выступать в качестве элемента монгольской традиционной культуры, частью монгольской этнокультурной идентичности. «Другими словами, результатом уничтожения буддийских институтов, секуляризации, атеистической пропаганды и переосмысления религии в этнонациональных категориях стала потеря собственно религиозной составляющей. Буддизм стал своего рода музейным экспонатом» (Сабиров, 2017: 44).

Таким образом, в первой половине XX в. произошёл радикальный перелом в религиозной идентичности монголов: буддизм, ранее служивший основой национального самосознания, был подвергнут жестким репрессиям, что привело к его постепенному превращению из активного фактора духовной жизни в компонент этнокультурной идентичности светского типа.

Религиозная идентичность монголов на современном этапе

Еще на рубеже 1980–1990-х гг. в Монголии, также, как и в России, начался процесс религиозного возрождения (см.: Сабиров, 2012; Ванчикова, Цэдэндамба, 2014). Этнокультурное развитие современной Монголии, несомненно, связано и с вопросами религиозной идентичности, которая претерпела значительные трансформации, связанные с процессами демократизации, либерализации и влиянием глобализации.

Процесс религиозного ренессанса имел в Монголии сложный и двойственный характер. С одной стороны, были сняты ограничения для традиционных религий, прежде всего буддизма, который получил поддержку со стороны власти. В соответствии с «Законом об отношениях государства и церкви» от 11 ноября 1993 г., буддизм в отличие от других конфессий был признан главенствующей религией¹.

С другой стороны, демократизация и либерализация общественной жизни, активное взаимодействие с западными странами привели к тому, что в страну хлынул поток зарубежных конфессий и миссионеров, представлявших прежде всего различные протестантские организации (Цогзолмаа, 2018; Дашковский, 2012).

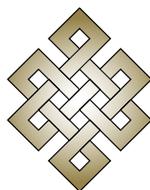
Среди этого разнородного набора зарубежных деноминаций и церквей, появившихся в Монголии, наибольшую активность стали проявлять баптисты, адвентисты, евангелисты и т. д. Новые конфессии содействовали процессу отграничения религии от этнокультурной идентичности. В результате в Монголии сформировалось сложное и разнородное конфессиональное пространство, состоящее как из традиционных религий, включающих в себя буддизм, шаманизм и ислам, так и из новых для страны религиозных организаций (Шмыт, 2011: 115).

Протестантские религиозные организации сегодня стремятся изменить традиционную религиозную идентичность монголов, занимаясь активной миссионерской деятельностью. Зарубежные миссионеры, воспользовавшись духовным вакуумом внутри монгольского общества, а также отсутствием просветительского опыта у традиционных конфессий, стали активно вовлекать молодежь в свои организации. Сегодня протестантские миссионеры, используя средства массовой информации, ведут в Монголии активную проповедническую деятельность, которая практически ничем не ограничена. Миссионеры, чтобы более эффективно обращать монголов в протестантизм, занимаются переводом и изданием своей религиозной литературы на монгольский язык. С целью формирования позитивного образа в глазах общественности протестантские миссионеры активно проводят различного рода обучающие курсы и организуют благотворительные акции для поддержки малоимущих слоев населения. Благодаря таким усилиям им удалось вовлечь в свои ряды более ста тысяч граждан Монголии (Зимин, 2012: 130).

Исследователи отмечают, что протестантские организации в Монголии представляют собой инструмент политического влияния или фактор «мягкой силы», с помощью которого зарубежные партнеры пытаются оказывать воздействие на политическое и экономическое развитие монгольского общества. Политическая ангажированность новых религиозных организаций связана с неустоявшейся политической идентичностью Монголии в условиях полицентричного мира. В результате такие страны, как США и Южная Корея, стремятся усилить свое политическое влияние в стране с помощью собственных религиозных организаций. В результате, власти и общественность современной Монголии постепенно начинают осознавать новые конфессии как угрозу цивилизационного характера. Подобного рода угрозы прописаны в «Концепции национальной безопасности» Монголии¹. «Под ними подразумеваются вызовы, способные изменить основу буддистской кочевой цивилизации монголов» (Михалев, 2013: 75).

Активная христианизация Монголии, грозящая сменой этнокультурной и религиозной идентичности у монголов, вызывает негативную реакцию со стороны буддизма и других традиционных

¹ Төр сүм хийдийн харилцаа [Закон об отношениях государства и церкви] [Электронный ресурс] // Legalinfo. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (дата обращения: 30.04.2025). (На монг. яз.).

конфессий страны. Даже Его Святейшество Далай-лама XIV, известный своей толерантностью и уважением к другим религиям, считает, что Монголия является традиционной буддийской страной и неправильно отдалять монголов от их культурного наследия.

Далай-лама в частности отметил, что:

«в Монголии миссионеры платят людям по 15 долларов за обращение в христианство. Поэтому некоторые становятся христианами каждый год, снова и снова, только чтобы получить 15 долларов за обращение в христианство! Я советую этим миссионерам, не вмешиваться и позволить людям в Монголии оставаться традиционными буддистами. То же и в случае с западными людьми, когда я говорю им придерживаться своих религий»².

Несмотря на это, в современных социокультурных процессах в Монголии, связанных с поиском идентичности, преобладает тенденция к возрождению национальных духовных традиций, которая активно продвигается представителями монгольской власти и интеллигенции. Эта тенденция получает свое воплощение в культе Чингисхана, где переплетаются элементы тотемизма, тенгрианства, а также буддизма и шаманизма. Сегодня Чингисхан воспринимается как ключевой символ национальной идентичности Монголии. Его образ пронизывает практически все аспекты общественной жизни Монголии: от национальной символики и фольклора до современного искусства и религиозной сферы. В повседневной жизни его имя встречается повсеместно — от названий гостиниц, кафе и туристических баз до таких культурных явлений, как рок-группы. Складывается ощущение, что современный национальный дискурс в Монголии тесно связан с обращением к своим историческим корням и постоянно возвращается к величественному прошлому, олицетворяемому фигурой Чингисхана (Шмыт, 2011: 115).

Исследователи отмечают важное место религиозного фактора в современной социально-политической и социокультурной жизни Монголии, в которой формирование общегражданской идентичности весьма тесно сопрягается с религиозным компонентом, прежде всего представленным буддизмом (Цэцэнбилэг, Бадмацыренов, Родионов, 2015: 216).

В современной Монголии можно наблюдать возрождение шаманизма и добуддийских верований, которые также являются ключевыми элементами монгольской культуры и идентичности. В отличие от буддийской религиозной традиции шаманизм связывает современных монголов с более древним прошлым, включая эпоху Монгольской империи и период этногенеза монголов. Это особенно важно в условиях современных вызовов, таких как культурная глобализация, кризис традиционных духовных ценностей и экспансия западной массовой культуры. Также, как и буддизм, шаманизм помогает монголам сохранять психологическую устойчивость, формирует чувство принадлежности к собственной культуре, укрепляет связь с культурно-историческим наследием. Проведение коллективных шаманских ритуалов и церемоний способствует укреплению национальной идентичности³.

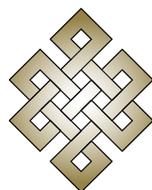
Шаманизм наиболее широко распространен среди этнических меньшинств Монголии, в частности среди тувинцев. Официально буддизм считается основной религией тувинцев, проживающих в Монголии. Однако шаманизм имеет значительное влияние на религиозную жизнь местных тувинцев. Религиозные воззрения тувинцев Монголии отличаются богатым переплетением древних верований, таких как тотемизм, анимизм, магия, фетишизм и культ природы. Эти элементы, хотя изначально и не были генетически связаны с шаманскими практиками, часто становились частью шаманской деятельности¹.

В то же время главная роль в религиозной жизни страны принадлежит буддизму. В течение последних десятилетий в Монголии, также, как и в буддийских регионах России, идет активное строительство буддийских монастырей, храмов и других культовых сооружений, развивается система буддийского образования. Большое внимание возрождению буддийской культуры уделяет и государство.

¹ Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] [Электронный ресурс] // Legalinfo. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070> (дата обращения: 30.04.2025) (На монг. яз.).

² Далай-лама XIV. Значимость религии в наше время [Электронный ресурс] // Study Buddhism. URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyu-uroven/istoriya-i-kultura/mezhreligioznyy-dialog/znachimost-religii-v-nashevremya> (дата обращения: 30.04.2025).

³ Сабиров Р. Т. Религиозная ситуация в Монголии: конец 1980-х-1990-е годы: диссертация ... канд. ист. н. М, 2004. С.79.

В 1992 г. в Монголии было открыто порядка 100 буддийских храмов. В настоящее время в Монголии насчитывается 170 буддийских монастырей и дацанов, в них — 5000 лам и хувраков².

К началу 2020-х гг. в процессе возрождения буддизма в Монголии были достигнуты значительные успехи. Наблюдалось расширение монастырских комплексов и модернизация их инфраструктуры, что способствовало созданию условий для развития религиозного образования. Для мирян стали доступны образовательные программы, реализуемые как в традиционных монастырях, так и во вновь учреждённых буддийских центрах. Кроме того, монастыри активно включились в проведение академических исследований буддийского наследия. Примечательным событием стало когда в 2023 г. состоялось возведение на престол Десятого Богдо-гэгэна, традиционного духовного лидера буддистов Монголии. В том же году новым главным настоятелем монастыря Гандан Тэгчин Лэнг и верховным представителем буддийской общины страны был назначен Д. Жавзандорж, что свидетельствует о продолжающемся укреплении институциональной структуры буддизма в современной Монголии³.

По результатам социологического исследования, проведенного на территории Монголии в 2016 г., как пишут П. К. Дашковский и его коллеги:

«особое внимание населения Монголии привлекает проблема сохранения национальной культуры, которая имеет определенную связь с религиозными традициями. При этом у населения Монголии этнический фактор превалирует над религиозным в вопросах сохранения своей идентичности. Не случайно отмечается ситуация, что часть монголов, принявших протестантизм, не перестают идентифицировать себя монголами. ... При этом особое место в данном процессе занимает буддизм, который, по мнению опрошенных, во многом способствует сохранению национальных традиций» (Дашковский, Шершнева, Цэдэв, 2017: 125).

По мнению Л. Б. Четырковой, буддизм как этнический маркер имеет меньшее значение для монголов по сравнению с калмыками, поскольку в историческом контексте монголы не сталкивались с угрозой утраты родного языка, выполняющего функцию ключевого элемента этнической идентичности, равно как и с практиками целенаправленной аккультурации, способной привести к ассимиляции (Четыркова, 2011: 196).

Исследователи также отмечают, что «буддизм встроен в конструирование идеологием общегражданской религии, основанной на дополнительности таких понятий, как “Родина”, “Чингисхан”, “Будда”, “Тэнгри”, “Гэсэр” и др., что ведет к формированию гражданской, государственной идентичности, которая бы превалировала над конфессиональными и этническими различиями» (Романова и др., 2015: 100).

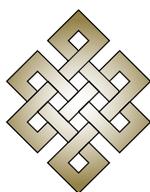
Согласно данным социологического исследования 2020 г., религия, прежде всего буддизм, продолжает играть значимую роль в жизни населения Монголии, независимо от возраста респондентов. В ходе десятилетнего мониторинга религиозных процессов на территории страны зафиксировано постепенное усиление влияния религии на различные аспекты общественной жизни. Сравнительный анализ текущих данных опросов с результатами предыдущих исследований свидетельствует о снижении доли граждан, которые не придают религии важного значения. Это указывает на возрастающую значимость религиозных ориентиров в современном монгольском обществе (Дашковский и др., 2022: 76).

Исследование П. К. Дашковского и его коллег показывает укрепление буддийской идентичности при одновременном падении шаманской идентичности. Если сравнивать полученные данные с ранее проведенными исследованиями, то необходимо отметить, что роль буддизма как культурной составляющей в жизни монголов в определенной степени возросла. Если в 2016–2018 гг. буддийской религии придерживалось только 57,6% респондентов (Цэдэв, Мохбат, 2019: 113), то, по данным 2020 г., процент буддистов достиг 84% (Дашковский и др., 2022: 77).

¹ Айыжы Е. В. Тувинцы Монголии: традиции и современность: диссертация ... к. ист. н. М., 2002. С.133.

² Сүхбаатар Д. Возрождение буддизма в Монголии: достижения и ошибки [Электронный ресурс] // Asia Russia Daily 2016, 5 мая. URL: <https://asiarussia.ru/buddhism/12228/> (дата обращения: 30.04.2025)

³ Майер Ж. Буддизм и буддийские монастыри в Монголии в 2023 году [Электронный ресурс] // Study Buddhism. URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinuty-uroven/istoriya-i-kultura/buddizm-v-mongolii/buddizm-i-buddiyskie-monastyri-v-mongolii-v-2023-godu> (дата обращения: 30.04.2025)

Рост буддийской идентичности обусловлено широкой поддержкой буддизма на государственном уровне. Буддизм сегодня позиционируется как неотъемлемая часть традиционной культуры и исторического наследия Монголии. В рамках государственной политики активно продвигаются традиционные национально-культурные ценности, значительное место среди которых занимают буддийские идеалы и практики. Поддержка со стороны властей наделяет буддизм своеобразным неофициальным статусом государственной религии (Дашковский и др., 2022: 76; Сабиров, 2017: 45).

Важная роль буддизма в формировании национальной идентичности и культурном возрождении монголов в постсоциалистический период подчеркивается в статье Л. Джадамба. В ней обсуждается, как буддизм, некогда подавляемый, стал неотъемлемой частью монгольской культуры, а государственная поддержка способствовала его возрождению (Jadamba, 2013).

О важности буддизма для сохранения уникальности монгольской идентичности говорил известный буддийский деятель Бакула Ринпоче, который сыграл значимую роль в процессе возрождения буддизма в Монголии. Обращаясь к монголам, он говорил следующее: «Если ты не буддист, то кто ты. Ты теряешь свою идентичность. Чем ты отличаешься от китайцев или русских?» (цит. по: Эльверског, 2021: 118). Этими словами Бакула Ринпоче подчеркивал, что буддизм является для монголов не только религией, но и неотъемлемой частью их национального самосознания.

В современной Монголии буддизм рассматривается властями как важнейший инструмент сохранения национальной идентичности монгольского народа. Высшее руководство страны активно поддерживает возрождение буддийских традиций, принимает участие в буддийских праздниках, посещает крупные монастыри, проводит регулярные встречи с буддийскими иерархами (Актамов, Бадмацыренов, Цэцэнбилэг, 2025: 142–143). Конституция Монголии также отражает связь между традиционными религиями и национальной символикой. Буддийские знаки и мотивы сегодня можно обнаружить в государственной символике. Такие государственные символы, как герб, флаг, гимн, содержат элементы, связанные с буддизмом и традиционными верованиями, подчеркивая их роль в формировании монгольского государства и монгольской нации (Сабиров, 2017: 45).

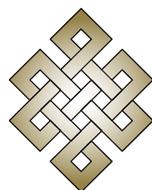
Известно, что государственный герб Монголии представляет собой традиционный религиозный символ *сульдэ*, восходящий к автохтонным верованиям, связанным с жизненной энергией и легитимностью власти. Однако его символическая основа — образ белого лотоса — восходит к буддийской традиции, где данный архетип олицетворяет духовное просветление и чистоту. Кроме того, в 12 статье Конституции упоминаются такие символы, как *хиимори* ‘ветер-конь’, *чиндамани* ‘драгоценный камень’ и *гурван цаг* ‘три времени’ (прошлое, настоящее и будущее)¹. Все они имеют глубокие корни в буддийской мифологии и философии (Kollmar-Paulenz, 2003: 25). Это еще раз подтверждает значимость буддизма и традиционных религиозных верований для сохранения национальной идентичности монголов.

В постсоциалистический период монгольское государство активно способствует проведению буддийских церемоний на национальном уровне. Высшее руководство Монголии регулярно участвует в религиозных мероприятиях на горе Богдо-хан, а также и в традиционных церемониях на горе Бурхан Халдун². Эти действия монгольских властей демонстрируют открытую поддержку буддизма как национальной религии монголов, что еще больше укрепляет его роль в жизни общества и формировании национальной идентичности (Коллмар-Пауленц, 2011: 87).

Буддизм сегодня играет ключевую роль в культурной политике монгольского государства. Как традиционная конфессия монгольского народа буддизм выступает в качестве идеологической и институциональной опоры для сохранения национальной самобытности, культурного наследия и традиционных духовных ценностей Монголии. В условиях активного проникновения западной культуры и ценностей буддизм рассматривается многими монголами как мощный инструмент противодействия этой экспансии, который способствует укреплению национальной идентичности и сохранению уникальности местной культуры.

¹ Конституция Монголии [Электронный ресурс] // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=59> (дата обращения: 30.04.2025).

² Төрийн тахилгат Бурхан буудай уулын тэнгэрийг тайх ёслол боллоо [Правительство объявило гору Бурхан Будай священным местом] [Электронный ресурс] // Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн Тамгын газар. 2024, 20 июля. URL: <https://president.mn/30234/> (дата обращения: 30.04.2025) (На монг. яз.).

Эта значимость буддизма отражена в законодательных актах страны. В частности, «Закон об отношениях государства и церкви» (1992 г.)¹ и «Концепция национальной безопасности Монголии» (2010 г.)² закрепляют за буддизмом ведущую роль в общественной жизни³. Подобные меры направлены на то, чтобы укрепить позиции буддийской религии как одного из столпов национальной идентичности и защитить традиционное культурное наследие монгольского народа.

Данные примеры служат ярким доказательством той значимой роли, которую играет буддийская религия и культура в процессе формирования новой постсоциалистической этнической идентичности монгольских народов.

В современном монгольском политическом дискурсе активно используется понятие «цивилизационная безопасность», которое включает в себя и сохранение буддийской идентичности монгольского народа. Этот термин закреплен на уровне нормативных документов и отражает стремление государства защитить культурное и духовное наследие страны (Михалев, 2013: 70).

Итак, в современной Монголии буддизм остаётся ключевым элементом религиозной и этнической идентичности монголов. После долгого периода репрессий в советское время он переживает возрождение, поддержанное государством, которое рассматривает буддизм как важную часть национальной культуры. Несмотря на приток новых религий, особенно протестантских миссионерских течений, подавляющее большинство населения продолжает ассоциировать себя с буддизмом. Сегодня монгольское государство активно использует буддизм в целях укрепления национальной идентичности и противодействия влиянию глобализации, рассматривая его как фактор «цивилизационной безопасности».

Заключение

Религиозная идентичность монголов прошла сложный эволюционный путь, в ходе которого её содержание и структура существенно трансформировались под влиянием исторических, социальных и политических факторов. На протяжении всей истории монголов религиозная идентичность не являлась статичной или монолитной — она включала в себя разнообразные элементы, от добуддийских анимистических верований до такой сложной институциональной религии, как буддизм.

Тенгрианство, как древнейшая религиозная традиция, играла ключевую роль в формировании надплеменной идентичности и легитимации власти у кочевых государств, начиная с хунну и включая ранних монголов. Однако с распадом монгольской империи и ослаблением государственности тенгрианство утратило свою политическую и идеологическую значимость, уступая место шаманизму и, позднее, буддизму. Шаманизм, являясь более ранней и архаической формой религиозности, оставался важной частью духовной жизни, но не обладал достаточными интеграционными возможностями для формирования единой этнической идентичности.

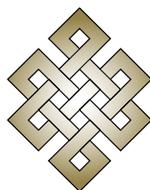
С распространением буддизма, особенно в форме тибетского ламаизма, произошла глубокая трансформация религиозной идентичности монголов. Буддизм стал не только доминирующей религиозной традицией, но и важным фактором культурной и цивилизационной самоидентификации.

Распространение буддизма среди монголов способствовало формированию общей религиозной и этнокультурной идентичности, которая объединила разрозненные хошуны на основе общей религиозной идеологии. В силу этого буддизм в начале XX в. стал ключевым фактором консолидации монгольского общества, особенно во Внешней Монголии, где духовная власть Богдо-гегена играла центральную роль в укреплении национального единства. В то же время, несмотря на очевидный факт доминирования буддизма в конфессиональном пространстве Монголии, нельзя отрицать, что монгольская религиозная идентичность всегда сохраняла элементы синкретизма, включая тенгрианство и шаманизм. Эти традиции сосуществовали с буддизмом, хотя последний играл ведущую роль.

¹ Төр сүм хийдийн харилцаа [Закон об отношениях государства и церкви] [Электронный ресурс] // Legalinfo. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/485> (дата обращения: 30.04.2025) (На монг. яз.).

² Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Концепция национальной безопасности Монголии] [Электронный ресурс] // Legalinfo. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=208070> (дата обращения: 30.04.2025) (На монг. яз.).

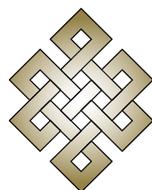
³ Сабиров Р. Т. Религиозная ситуация в Монголии: конец 1980-х–1990-е годы: дисс. ... канд. ист. н. М, 2004. С. 89–90.

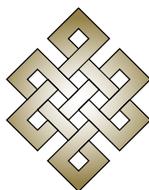
Буддизм сохранился как часть этнокультурной идентичности монгольского народа в XX в., несмотря на определенную трансформацию религиозной идентичности монголов, связанную с гонениями на религию, ее ограничением и регламентацией со стороны государства. После демократизации произошло возрождение буддизма, который был признан государством как важнейший элемент национальной идентичности. Несмотря на активность протестантских миссионеров, вызывающую обеспокоенность традиционных конфессий и властей, буддизм по-прежнему остается основой религиозной и культурной идентичности монголов. В современном политическом дискурсе Монголии акцентируется важность «цивилизационной безопасности», которая включает сохранение буддийской идентичности как гаранта культурной самобытности монгольского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

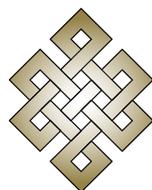
- Абаев, Н. В. (2011) Внутренняя Азия — колыбель Евразийской цивилизации // Новые исследования Тувы. № 4. С. 163–171.
- Абаев, Н. В., Фельдман, В. Р. (2012) Влияние тэнгрианства на формирование государственности хунну и монголов: некоторые методологические аспекты // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (12). С. 4–11.
- Актамов, И., Бадамыренов, Т., Цэцэнбилэг, Ц. (2025) Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце XX — начале XXI в. // Народы и религии Евразии. № 30(1). С. 137–150. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)1-08)
- Андерсон, Б. (2016) Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Изд-во «Кучково поле». 416 с.
- Армстронг, К. (2013) Битва за Бога: История фундаментализма. М. : Изд-во «Альпина нон-фикшн». 502 с.
- Батсайхан, О. (2018) Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. М. : Т-во науч. изд. КМК. 406 с.
- Бардалеева, С. Б. (2021) Коллекция буддийской скульптуры Монголии в собрании Национального музея Республики Бурятия // Искусство Евразии. № 3 (22). С. 68–77. DOI: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2021.03.006>
- Бережная, Т. С. (2023) Идентичность: социально-философский анализ // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Донецк, 6–7 июня, 2023 г.). Секция 3 / отв. ред. Н. П. Докторова. Донецк : Донецкая академия управления и государственной службы. 288 с. С. 206–209.
- Балданжапова, П. Б. (2017) Организация буддийской церкви в МНР // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып.10. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 221 с. С. 82–93.
- Берзин, А. (1992) Тибетский буддизм: история и перспективы развития. М. : Традиционная медицина. 32 с.
- Бичеев, Б. А., Кукеев, А. Г. (2011) О религиозных представлениях древних тюрков и монголов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 4. № 2. С. 75–77.
- Ванчикова, Ц. П. (2019а) Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. Иркутск : Изд-во «Оттиск». 291 с.
- Ванчикова, Ц. П. (2019б) Монголия и религиозная политика Коминтерна 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. № 3. С. 900–908. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-900-908>
- Ванчикова, Ц. П. (2021) К истории возрождения буддизма в Бурятии и Монголии в 1960–1970 гг. по материалам из личного архива П. Б. Балданжапова // Монголоведение. № 13(4). С. 623–631. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2021-4-623-631>
- Ванчикова, Ц. П., Цэдэндамба, С. (2014) Современные процессы в монгольском буддизме: 1990–2007 гг. // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. № 2 (38). С. 89–96.
- Дашковский, П. К. (2012) Современные этноконфессиональные процессы в Монгольском Алтае // Религиоведение. № 1. С. 134–143.
- Дашковский, П. К., Гантуяа, М., Шершнева, Е. А., Бүрэнэлзий, И. (2022) Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. № 27(1). С. 72–89. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2022\)1-05](https://doi.org/10.14258/nreur(2022)1-05)

- Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Цэдэв, Н. (2017) Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г. // Народы и религии Евразии. № 1–2 (10–11). С. 115–128.
- Дьяконова, В. П. (1979) Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культы тувинцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири / отв. ред. И. С. Вдовин. Л. : Наука. 227 с. С. 150–179.
- Железняков, А. С., Никифоров, С. В. (2025) Роль буддийского фактора в политических и цивилизационных процессах в Монголии // Новые исследования Тувы. № 1. С. 188–197. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.14>
- Жумаганбетов, Т. С. (2006а) Культ Тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. С. 119–126.
- Жумаганбетов, Т. С. (2006б) Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // Этнографическое обозрение. № 4. С. 154–162.
- Зимин, О. И. (2012) Глобализация и проблема национальной идентичности в Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. № 6–1. С. 127–132.
- Кодар, А. А. (2009) Тенгрианство в контексте монотеизма // Новые исследования Тувы. № 1–2. С. 216–225.
- Кедури, Э. (2010) Национализм. 4-е изд. СПб. : Изд-во «Алетейя». 134 с.
- Китинов, Б. У. (2022) Буддизм и национализм в идентификационных процессах в Азии в конце XIX — начале XX веков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. Т. 14. № 4. С. 355–372. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-4-355-372>
- Коллмар-Пауленц, К. (2004) Новый взгляд на религиозную идентичность монголов // Монгольская империя и кочевой мир / редкол.: Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН. 546 с. С. 444–464.
- Коллмар-Пауленц, К. (2011) Свет Дхармы против тумана тьмы. Тибетское восприятие монголов и формирование новой монгольской идентичности в начале XVII века // Tartaria Magna. № 1. С. 86–103.
- Крылов, А. Н. (2012) Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в пост-индустриальном пространстве. М. : НИИ. 306 с.
- Кузьмин, С. Л. (2016) Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М. : Товарищество научных изданий КМК. 496 с.
- Кузьмин, С. Л., Оюунчимэг, Ж. (2009) Богдо-гэгэн VIII — великий хан Монголии // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 59–64.
- Кузьмин, С. Л., Оюунчимэг, Ж. (2010–2011) Буддизм и революция в Монголии // Буддизм России. № 43. С. 124–141.
- Курас, Л. В. (2015) Монголия в составе империи Цин в начале XX в // Власть. № 12. С. 143–148.
- Мамедов, М. М. (2018) Границы тенгрианства и шаманизма в тюркской религиозно-мифологической системе // Вестник Пятигорского государственного университета. № 1. С. 173–177.
- Михалев, А. В. (2013) Религия как фактор внешней политики современной Монголии // Религиоведение. № 4. С. 70–77.
- Монгуш, М. В. (2007) Традиционные и нетрадиционные конфессии в Туве: история и современность // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 1. С. 16–32.
- Монгуш, М. В. (2014) Эволюция шаманской традиции в республике Тува // Культурологический журнал. № 1. С. 1–17.
- Мчедлова, М. М. (2009) Религиозная идентичность в современных социально-политических процессах в России и Европе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. № 3. С. 95–102.
- Нямсурэн, М. (2024) Основные периоды развития и становления буддийской школы Цанид в Монголии // Власть. № 6. С. 308–314.
- Никифоров, С. В. (2018) Идентичности Монголии. Этносы, религии, социальные группы // Образование и общество. № 1–2. С. 127–130.
- Перепелкин, Л. С., Стэльмах, В. Г. (2010) Человек верующий: религия и идентичность // Вопросы социальной теории. Т 4. С. 373–395.
- Позднеев, А. М. (1993) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 492 с.

- Попова, Л. П. (1987) *Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии»*. М. : Наука. 156 с.
- Пронина, Т. С. (2017) *Религия и идентичность: «Homo post-Sovieticus» в поисках себя* // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 3. С. 161–173.
- Романова, И. В., Зимин, О. И., Жуков, А. В., Жукова, А. А. (2015) *Монгольская религиозность, этничность и политическое влияние на нее в российских и зарубежных исследованиях* // Вестник Забайкальского государственного университета. № 3 (118). С. 120–128.
- Сабиров, Р. Т. (2012) *Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI вв.* // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 3. С. 95–100.
- Сабиров, Р. Т. (2017) *Буддийская сангха в Монголии: традиция и современность* // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. № 4 (1). С. 38–52.
- Санчилов, В. П. (2009) *Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 г.* // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. С. 15–19.
- Санчилов, В. П. (2011) *Джунгарский съезд монгольских и ойратских князей (1640 г.)* // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. С. 101–105.
- Скрынникова, Т. Д. (2011) *Буддийская церковь в актуализации монгольской идентичности первой четверти XX в.* // Россия — Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие / отв. ред. В. М. Дианова. СПб. : Изд-во философского ф-та СПбГУ. 470 с. С. 39–53.
- Сыртыпова, С.-Х. Д. (2023) *Код Дзанабазара (1635–1723): монгольский стиль и кочевническая эстетика в буддийском искусстве Ваджраяны*. М. : Наука, Восточная литература. 414 с.
- Уланов, М. С. (2022) *Тенгрианство в истории и культуре кочевников Центральной Азии* // Новые исследования Тувы. № 3. С. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.8>
- Урбанаева, И. С. (2000) *Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тенгрианство в свете духовных учений* : в 2 ч. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. Ч. 1. 265 с.
- Фукуяма Ф. (2019) *Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия*. М. : Альпина Паблишер. 256 с.
- Хантингтон, С. (1994) *Столкновение цивилизаций?* // Полис. № 1. С. 33–48.
- Харанутова, Д. Ш., Будажапова, Л. Б. (2023) *Заемствованная буддийская лексика в монгольских языках* // Социолингвистика. № 2 (14). С. 64–78. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-14-64-78>
- Хомушку, О. М. (2005) *Религия в культуре народов Саяно-Алтая*. М. : Изд-во РАГС. 225 с.
- Цогзолмаа, Н. (2018) *Распространение новых религиозных течений и их влияние на систему образования Монголии* // Народы и религии Евразии. № 14(1). С. 117–124. DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2018\)1-12](https://doi.org/10.14258/nreur(2018)1-12)
- Цултэм, Н.-О. (1982) *Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века*. М. : Изобразительное искусство. 231 с.
- Цэдэв, Н. Х., Монхбат, А. Д. (2019) *Об этноконфессиональной ситуации в Монголии* // Современные этнические процессы на территории Центральной Азии: проблемы и перспективы: материалы конференции / отв. ред. З. Ю. Доржу. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 222 с. С. 112–115.
- Цэцэнбилэг, Ц., Бадмацзыренов, Т. Б., Родионов, В. А. (2015) *Буддизм и воспроизводство буддийской идентичности в Монголии* // Вестник Бурятского государственного университета. № 8–1. С. 215–219.
- Четырова, Л. Б. (2011) *Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов* // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов / ред. Т. В. Ермакова. СПб. : Изд-во Голода. 320 с. С. 190–196.
- Шипилов, А. В. (2008) *«Свои», «чужие» и другие*. М. : Прогресс — Традиция. 568 с.
- Шмыт, З. (2011) *Нация и этничность в Монголии* // Этнографическое обозрение. № 5. С. 109–121.
- Эльверског, Й. (2021) *Два буддизма в современной Монголии* // Буддизм и национализм во внутренней Азии / отв. ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ : Буряад-Монгол Ном. 324 с. С. 117–142.
- Vorjigin, H. (2004) *The History and the Political Character of the name 'Nei Menggu' (Inner Mongolia)* // Inner Asia. № 6(1). P. 61–80. DOI: <https://doi.org/10.1163/146481704793647207>
- Dunn, K. (2004) *Identity and Global Politics: Empirical and Theoretical Elaborations*. New York : Palgrave Macmillan. 268 p.

Elverskog, J. (2006) *Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Univ. of Hawai'i Press. 243 p.

Even, M.-D. (2012) *Mongolia's moving religious landscape // The Asian side of the world*. Ed. by J.-F. Sabouret. Paris : CNRS Éditions. 520 p. P. 449–454 . DOI: <https://doi.org/10.4000/books.editions-cnrs.12720>

Jadamba, L. (2013) *Mongolian Buddhism: Identity, Practice and Politics // The Mongolian collections: retracing Hans Leder*. Ed. by M.-K. Lang and S. Bauer. Vienna : Austrian Academy of Sciences Press. 198 p. P. 25–38.

Kollmar-Paulenz, K. (2003) *Buddhism in Mongolia after 1990 // Journal of Global Buddhism*. Vol. 4. P. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.1308862>

Heissig, W. (1964) *Ein Volk sucht seine Geschichte. Die Mongolen und die verlorenen Dokumente ihrer grossen Zeit*. Düsseldorf; Wien : Econ Verlag. 321 p.

Sagaster, K. (2021) *Religion and Group Identity in Present Mongolia // Dissociation and Appropriation: Responses to Globalization in Asia and Africa*. Berlin, Boston : Klaus Schwarz Verlag. 314 p. P. 185–194. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783112402627-012>

Дата поступления: 01.05.2025 г.

Дата принятия: 06.10.2025 г.

REFERENCES

- Abayev, N. V. (2011) Inner Asia — the cradle of Eurasian civilization. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 163–171. (In Russ.)
- Abayev, N. V. and Feldman, V. R. (2012) The influence of Tengrianism on the formation of the statehood of the Xiongnu and the Mongols: some methodological aspects. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i humanitarnye nauki*, no. 1(12), pp. 4–11. (In Russ.)
- Aktamov, I., Badmatsyrenov, T. and Tsetsenbileg, Ts. (2025) Buddhism and the post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th — early 21st centuries. *Narody i religii Evrazii*, no. 30(1), pp. 137–150. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2025\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2025)1-08)
- Anderson, B. (2016) *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow, Kuchkovo pole Publ. 416 p. (In Russ.)
- Armstrong, K. (2013) *The battle for God: a history of fundamentalism*. Moscow, Alpina non-fiction Publ. 502 p. (In Russ.)
- Batsaykhan, O. (2018) *The last great Khan of Mongolia Bogdo Jebtsundamba Khutukhtu VIII: life and legends*. Moscow, KMK Scientific Press. 406 p. (In Russ.)
- Bardaleeva, S. B. (2021) The collection of Buddhist sculpture of Mongolia in the holdings of the National Museum of the Republic of Buryatia. *Iskusstvo Evrazii*. no. 3 (22), pp. 68–77. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2021.03.006>
- Bereznaia, T. S. (2023) Identity: a socio-philosophical analysis. In: *Ways to increase the efficiency of managerial activities of public authorities in the context of socio-economic development of territories*. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (Donetsk, 6–7 June 2023). Section 3. Ed. by N. P. Doktorova. Donetsk, Donetsk Academy of Management and Public Administration. 288 p. Pp. 206–209. (In Russ.)
- Baldanzhapova, P. B. (2017) The organization of the Buddhist Church in the Mongolian People's Republic. In: *Culture of Central Asia: written sources*. Issue 10. Ed. by Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude, Buryat Scientific Centre SB RAS Publ. 221 p. Pp. 82–93. (In Russ.)
- Berzin, A. (1992) *Tibetan Buddhism: history and development prospects*. Moscow, Traditional Medicine Publ. 32 p. (In Russ.)
- Bicheev, B. A. and Kukeev, A. G. (2011) On the religious beliefs of the ancient Turks and Mongols. *Vestnik Kalmytskogo instituta humanitarnykh issledovaniy RAN*, vol. 4, no. 2, pp. 75–77. (In Russ.)
- Vanchikova, Ts. P. (2019a) *Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries*. Irkutsk, Ottisk Publ. 291 p. (In Russ.)
- Vanchikova, Ts. P. (2019b) Mongolia and the religious policy of the Comintern in the 1920s–1930s. *Vestnik arkhivista*, no. 3, pp. 900–908. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-900-908>
- Vanchikova, Ts. P. (2021) On the history of the revival of Buddhism in Buryatia and Mongolia in the 1960s–1970s based on materials from the personal archive of P. B. Baldanzhapov. *Mongolovedenie*, no. 13(4), pp. 623–631. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2021-4-623-631>

Vanchikova, Ts. P. and Tseddendamba, S. (2014) Contemporary processes in Mongolian Buddhism: 1990-2007. *Gumanitarnyi vector. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya*, no. 2 (38), pp. 89–96. (In Russ.)

Dashkovskiy, P. K. (2012) Contemporary ethno-confessional processes in the Mongolian Altai. *Religiovedenie*, no. 1, pp. 134–143. (In Russ.)

Dashkovskiy, P. K., Gantuyaa, M., Shershneva, E. A. and Bürenölziy, I. (2022) Religious processes in the territory of Mongolia (based on a sociological study). *Narody i religii Evrazii*, no. 27 (1), pp. 72–89. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2022\)1-05](https://doi.org/10.14258/nreur(2022)1-05)

Dashkovskiy, P. K., Shershneva, E. A. and Tsedev, N. (2017) Ethno-confessional studies in Mongolia in 2016. *Narody i religii Evrazii*, no. 1–2(10–11), pp. 115–128. (In Russ.)

Dyakonova, V. P. (1979) Lamaism and its influence on the worldview and religious cults of the Tuvans. In: *Christianity and Lamaism among the indigenous population of Siberia*. Ed. by I. S. Vdovin. Leningrad, Nauka Publ. 227 p. Pp. 150–179. (In Russ.)

Zheleznyakov, A. S. and Nikiforov, S. V. (2025) The role of the Buddhist factor in the political and civilizational processes in Mongolia. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 188–197. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.14>

Zhumaganbetov, T. S. (2006a) The cult of Tengri as the basis of the state ideology of the Ancient Turkic Khaganate. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 2, pp. 119–126. (In Russ.)

Zhumaganbetov, T. S. (2006b) The genesis of the state-religious ideology in the Ancient Turkic Khaganates. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 154–162. (In Russ.)

Zimin, O. I. (2012) Globalization and the problem of national identity in Mongolia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6–1, pp. 127–132. (In Russ.)

Kodar, A. A. (2009) Tengrianism in the context of monotheism. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 216–225. (In Russ.)

Kedouri, E. (2010) *Nationalism*. 4th ed. Saint Petersburg, Aleteiya Publ. 134 p. (In Russ.)

Kitinov, B.U. (2022) Buddhism and nationalism in identification processes in Asia in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya*. vol. 14, no. 4, pp. 355–372. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-4-355-372>

Kollmar-Paulenz, K. (2004) A new view of the religious identity of the Mongols. In: *The Mongol Empire and the nomadic world*. Eds. B. V. Bazarov, N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova. Ulan-Ude, Buryat Scientific Centre SB RAS Publ. 546 p. Pp. 444-464. (In Russ.)

Kollmar-Paulenz, K. (2011) The light of Dharma against the fog of darkness: the Tibetan perception of the Mongols and the formation of a new Mongolian identity in the early 17th century. *Tartaria Magna*, no. 1, pp. 86–103. (In Russ.)

Krylov, A. N. (2012) *Religious identity: individual and collective self-consciousness in the post-industrial space*. Moscow, NIB Publ. 306 p. (In Russ.)

Kuzmin, S. L. (2016) *Theocratic statehood and the Buddhist Church of Mongolia in the early 20th century*. Moscow, KMK Scientific Press. 496 p. (In Russ.)

Kuzmin, S. L. and Oyuunchimeg, J. (2009) Bogdo Gegen VIII — the Great Khan of Mongolia. *Aziya i Afrika Segodnya*, no. 1, pp. 59–64. (In Russ.)

Kuzmin, S. L. and Oyuunchimeg, J. (2010–2011) Buddhism and revolution in Mongolia. *Buddizm Rossii*, no. 43, pp. 124–141. (In Russ.)

Kuras, L. V. (2015) Mongolia as part of the Qing Empire in the early 20th century. *Vlast'*, no. 12, pp. 143–148. (In Russ.)

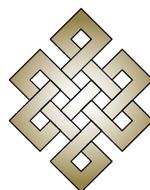
Mamedov, M. M. (2018) The boundaries of Tengrianism and shamanism in the Turkic religious and mythological system. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 173–177. (In Russ.)

Mikhalev, A. V. (2013) Religion as a factor in the foreign policy of contemporary Mongolia. *Religiovedenie*, no. 4, pp. 70–77. (In Russ.)

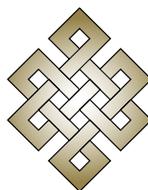
Mongush, M.V. (2007) Traditional and non-traditional confessions in Tuva: history and modernity. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 16–32. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2014) The evolution of the shamanic tradition in the Republic of Tuva. *Kul'turologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 1–17. (In Russ.)

Mchedlova, M.M. (2009) Religious identity in contemporary socio-political processes in Russia and Europe. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, no. 3, pp. 95–102. (In Russ.)

- Nyamsüren, M. (2024) The main stages of development and formation of the Buddhist school Tsanid in Mongolia. *Vlast'*, no. 6, pp. 308–314. (In Russ.)
- Nikiforov, S. V. (2018) Identities of Mongolia: ethnic groups, religions, social groups. *Obrazovanie i obshchestvo*, no. 1–2, pp. 127–130. (In Russ.)
- Perepelkin, L. S. and Stel'makh, V. G. (2010) The religious person: religion and identity. *Voprosy sotsial'noi teorii*, vol. 4, pp. 373–395. (In Russ.)
- Pozdneev, A. M. (1993) *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the relations of the latter with the people*. Elista, Kalmyk Book Publ. 492 p. (In Russ.)
- Popova, L. P. (1987) *Social thought of Mongolia in the era of the "awakening of Asia"*. Moscow, Nauka Publ. 156 p. (In Russ.)
- Pronina, T. S. (2017) Religion and identity: "Homo post-Sovieticus" in search of self. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 3, pp. 161–173. (In Russ.)
- Romanova, I. V., Zimin, O. I., Zhukov, A. V. and Zhukova, A. A. (2015) Mongolian religiosity, ethnicity and political influence on it in Russian and foreign studies. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (118), pp. 120–128. (In Russ.)
- Sabirov, R. T. (2012) Buddhism in Mongolia at the turn of the 20th–21st centuries. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 3, pp. 95–100. (In Russ.)
- Sabirov, R. T. (2017) The Buddhist sangha in Mongolia: tradition and modernity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie*, no. 4 (1), pp. 38–52. (In Russ.)
- Sanchirov, V. P. (2009) The historical significance of the Jungar congress of Mongolian and Oirat princes of 1640. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 2, pp. 15–19. (In Russ.)
- Sanchirov, V. P. (2011) The Jungar congress of Mongolian and Oirat princes (1640). *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 2, pp. 101–105. (In Russ.)
- Skrynnikova, T. D. (2011) The Buddhist Church in the actualization of Mongolian identity in the first quarter of the 20th century. In: *Russia – Mongolia: cultural identity and intercultural interaction*. Ed. by V. M. Dianova. Saint Petersburg, Faculty of Philosophy, Saint Petersburg State University Publ. 470 p. Pp. 39–53. (In Russ.)
- Syrtypova, S.-Kh. D. (2023) *The code of Zanabazar (1635–1723): Mongolian style and nomadic aesthetics in Vajrayana Buddhist art*. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura Publ. 414 p. (In Russ.)
- Ulanov, M. S. (2022) Tengrianism in the history and culture of the nomads of Central Asia. *New Research of Tuva*. no. 3, pp. 103–115. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.8>
- Urbanaeva, I. S. (2000) *The shamanic philosophy of the Buryat-Mongols: Central Asian Tengrianism in the light of spiritual teachings*. In 2 parts. Ulan-Ude, Buryat Scientific Centre SB RAS Publ. Part 1. 265 p. (In Russ.)
- Fukuyama, F. (2019) *Identity: the demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow, Alpina Publisher. 256 p. (In Russ.)
- Huntington, S. (1994) The clash of civilizations? *Polis*. no. 1, pp. 33–48. (In Russ.)
- Kharanutova, D. Sh. and Budazhapova, L. B. (2023) Borrowed Buddhist vocabulary in the Mongolic languages. *Sotsiolingvistika*. no. 2 (14), pp. 64–78. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-14-64-78>
- Khomushku, O. M. (2005) *Religion in the culture of the peoples of the Sayan-Altai*. Moscow, RAGS Publ. 225 p. (In Russ.)
- Tsogzolmaa, N. (2018) The spread of new religious movements and their influence on the education system in Mongolia. *Narody i religii Evrazii*, no. 14(1), pp. 117–124. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2018\)1-12](https://doi.org/10.14258/nreur(2018)1-12)
- Tsultem, N.-O. (1982) *The art of Mongolia from ancient times to the early 20th century*. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ. 231 p. (In Russ.)
- Tsedev, N. Kh. and Monkhabat, A. D. (2019) On the ethno-confessional situation in Mongolia. In: *Contemporary ethnic processes in the territory of Central Asia: problems and prospects*. Conference proceedings. Ed. by Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 222 p. Pp. 112–115. (In Russ.)
- Tsetsenbileg, Ts., Badmatsyrenov, T. B. and Rodionov, V. A. (2015) Buddhism and the reproduction of Buddhist identity in Mongolia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8–1, pp. 215–219. (In Russ.)
- Chetyrova, L. B. (2011) The role of Buddhism in constructing the ethnicity of the Kalmyks and the Mongols. In: *Fourth Oriental Readings in memory of O.O. Rozenberg. Reports, articles, publication of documents*. Ed. by T. V. Ermakova. Saint Petersburg, Golod Publ. 320 p. Pp. 190–196. (In Russ.)

- Shipilov, A. V. (2008) *“Ours”, “others” and the rest*. Moscow, Progress – Traditsiya Publ. 568 p. (In Russ.)
- Shmyt, Z. (2011) Nation and ethnicity in Mongolia. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 109–121. (In Russ.)
- Elverskog, J. (2021) Two Buddhisms in contemporary Mongolia. In: *Buddhism and nationalism in Inner Asia*. Ed. by I. R. Garri. Ulan-Ude, Buryaad-Mongol Nom Publ. 324 p. Pp. 117–142. (In Russ.)
- Borjigin, H. (2004) The History and the Political Character of the name ‘Nei Menggu’ (Inner Mongolia). *Inner Asia*, no. 6 (1), pp. 61–80. DOI: <https://doi.org/10.1163/146481704793647207>
- Dunn, K. (2004) *Identity and Global Politics: Empirical and Theoretical Elaborations*. New York, Palgrave Macmillan. 268 p.
- Elverskog, J. (2006) *Our Great Qing. The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Univ. of Hawai’i Press. 243 p.
- Even, M.-D. (2012) Mongolia’s moving religious landscape. In: *The Asian side of the world*. Ed. by J.-F. Sabouret. Paris, CNRS Éditions. 520 p. Pp. 449–454. DOI: <https://doi.org/10.4000/books.editions-cnrs.12720>
- Jadamba, L. (2013) Mongolian Buddhism: Identity, Practice and Politics. In: *The Mongolian collections: retracing Hans Leder*. Ed. by M.-K. Lang and S. Bauer. Vienna, Austrian Academy of Sciences Press. 198 p. Pp. 25–38.
- Kollmar-Paulenz, K. (2003) Buddhism in Mongolia after 1990. *Journal of Global Buddhism*, vol. 4, pp. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.1308862>
- Heissig, W. (1964) *Ein Volk sucht seine Geschichte. Die Mongolen und die verlorenen Dokumente ihrer grossen Zeit*. Düsseldorf; Wien, Econ Verlag. 321 p.
- Sagaster, K. (2021) Religion and Group Identity in Present Mongolia. In: *Dissociation and Appropriation: Responses to Globalization in Asia and Africa*. Ed. by K. Füllberg-Stollberg, P. Heidrich and E. Schöne. Berlin, Boston, Klaus Schwarz Verlag. 314 p. Pp. 185–194. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783112402627-012>

Submission date: 01.05.2025.

Acceptance date: 06.10.2025.